

ЕЛЕНА БЛЮМИНА

**БАЛЕТ
АСФАЛЬТОВЫХ
КАТКОВ**

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Елена Блюмина
Балет асфальтовых катков.
Невыдуманнные истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344457
ISBN 9785448582967*

Аннотация

Недлинные и нескучные рассказы о жизни и любви, о предках и потомках, о каблуках, картах и гегелевской диалектике. И даже, как это ни странно, об асфальтоукладчиках. Автор клянётся, что все они – чистейшая правда. Ну, почти...

Содержание

«Как причудливо тасуется колода!»	6
Праздники	13
Каблуки	13
Счастливчик	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Балет асфальтовых катков

Невыдуманнные истории

Елена Блюмина

Моим маме и папе – лучшим родителям на свете

Иллюстратор Елена Блюмина

© Елена Блюмина, 2017

© Елена Блюмина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-8296-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Как причудливо тасуется колода!»

Вместо пролога

Дак ведь я – дитя природы,

Пусть дурное, но – дитя!

*Леонид Филатов, Про Федота-стрельца, удалого
молодца*

А я вот дитя революции. Да. Ибо, не случись в 20 веке этого грандиозного социального катаклизма, шансы мои появиться на свет, мягко говоря, были бы ничтожны. Ну, то есть, конечно, чему быть, того не миновать, – и душенька моя беспокойная уж нашла бы, в кого вселиться, но только это была бы, как говорится, совсем другая история и, скорее всего, другая география. Российская империя и обычаи ее населения оставляли слишком мало шансов для смешения тех генов, что так друженько уживаются во мне в текущем воплощении. Сейчас объясню.

Обе мои прабабушки по материнской линии, Остроумова и Луговская, родились и выросли в селе Катунки Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Да только Таисия Остроумова происходила из очень и очень зажиточной семьи и, пока ее муж, прадед мой Петр Фульвианович, не слишком удачно на театре военных действий выступал (был ранен да попал в австрийский плен), завела строчевышивальную ма-

стерскую, в которой трудилось несколько местных мастериц. Году эдак в 1915 выглядела Таисия Павловна вполне светски.

1915 год.

Прабабушка Таисия Остроумова с детьми. Ближняя к ней девочка – бабушка моя Анна Петровна.

Прабабушка же Анна Луговская примерно в это же время одевалась совсем по-другому, и не случайно. Эта семья была отнюдь не богата, но самое главное – были Луговские старообрядцами.

1909 или 10 год

Прабабушка Анна Луговская с детьми. Крайний слева – мой дед Константин Александрович Луговской.

Получается, что семьи будущих маминых родителей хоть и жили в одном селе, да каждая в своей социальной и профессиональной нише. А это значит, что Костя Луговской ну никак не мог бы жениться на Анечке Остроумовой: у староверов с этим строго, даже и сейчас. Но в 1917 году случилось то, что случилось, и Костя с братом Иваном оказались в числе первых комсомольцев и, соответственно, атеистов села и родительского благословения на брак уже не спрашивали. Так что в 1927 дед Константин благополучно женился на бабушке Анне, и дочь свою они назвали уж точно не по святцам – Изольдой.

А Таисия Остроумова лавочку прикрыла, зашила накопленные золотые червонцы в подол юбки, с которой потом до конца дней своих не расставалась, а запас уже готовых изделий замуровала в стену своего двухэтажного дома, на первом этаже которого мастерская и располагалась. В начале 1970-х часть Катунки подпала под затопление в связи со строительством на Волге очередной ГЭС. Дом, в котором к тому времени жила семья ее старшего сына, стали разбирать, и «клад» этот нашли: полуистлевшие скатерти и наволочки. Выбросили все, конечно. Понятное дело, в матримонические планы своих пятерых детей ни Таисия, ни вернувшийся из австрийского плена Петр тоже не вмешивалась: не те времена были, чтобы дети родителей слушались. И там уж – кто во что горазд.

Но ведь и внучка ее, Изольда Луговская, никогда бы

не стала Блюминой, не будь отменена черта оседлости¹ и не завладей умами и сердцами идея всеобщего братства. Во-первых, моя мама просто не встретилась бы с моим папой, чьи родители не смогли бы переехать из Гомеля в Нижний Новгород, а во-вторых, прадед Моисей Гуревич, отцов дед, хоть и состоял на казенной службе (оценщиком леса трудился), и детей своих в гомельскую гимназию посылал, а все ж таки был прежде всего правоверным иудеем. Отношения с народом-богоносцем имел сложные. Его самого, а особенно жену Ривку, которая была знахаркой и весьма успешно лечила всякую животицу, крестьяне местные очень уважали. Как рассказывала бабушка моя, Рахиль Моисеевна, накануне очередного еврейского погрома приходил к ее отцу деревенский староста и говорил примерно следующее: «Ты уж, Мойше, не обижайся, но тут наемни урядник приезжал, велел опять жидов бить. Так мы ни тебя, ни детей не тронем, конечно, однако же стекла для порядка побьем. Вы уж сидите тихо, носа не высовывайте!» И слово свое держал.

В общем, внуку Моисееву ни при каком раскладе не светило жениться на гойке, т.е. не-иудейке. Но 100 лет назад все так завертелось и сдвинулось с, казалось, незыблемых мест, перемешалось и перетасовалось, что встретились и соединились те, кому вроде бы вовсе не положено было это-

¹ Черта осёдлости – в Российской империи с 1791 по 1917 год – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство иудеям и цыганам.

го делать, – и оп-ля-тру-ля-ля! – ваша покорная слуга имеет место быть.

Праздники

Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но я до сих пор не понимаю, при чем здесь еще какой-то праздник?

Аркадий Аверченко, Автобиография

Каблуки

14 февраля – день рождения мамы

У Верки Гореловой не было никаких шансов. Но она упрямо продолжала писать письма с объяснениями в любви Левушке Блюмину. Пусть, пусть он ее в упор не замечает, даже и не здоровается, когда они как бы случайно сталкиваются в институтских коридорах. Он ведь так избалован женским вниманием, на него девчонки просто вешаются. Но, похоже, еще ни одна не прибрала этого красавца к рукам. Вот и подружку Веркину – сероглазую блондинку Изольду – один разок всего на танцульках в ДК УВД, куда весь Пединститут по субботам бегал, пригласил.

А уж она куда как хороша, не чета простенькой Верке!

Но у Изочки и самой кавалеров полки – одним больше, одним меньше – какая ей разница! Нет, Верка не завидует, но вот обидно же, когда одной достается все: и талия осиная, и грудь высокая, и носик точеный, и голос прямо хрустальный, а другой – сплошное теловычитание и ничего примечательного. Но как сладко замирает сердце, когда на институтской вечеринке стоишь, опираясь о рояль, а Левушка, встряхивая черными кудрями и сияя бесподобной улыбкой всем окружающим его плотным кольцом поклонникам (а значит, и ей, Верке!), играет аргентинское танго! Ах, на край бы света, хоть в таинственную Аргентину, хоть к черту на рога пошла бы Верка за этими карими глазами – да кто ж ее звал?

Леве Блюмину к девичьему обожанию было не привыкать, и он им весьма активно пользовался. Имел репутацию завязатого ловеласа, но также и отличного товарища. Еврейский умный мальчик из приличной семьи, с самого раннего детства запоем читавший и игравший на всех доступных музыкальных инструментах, при случае мог и в морду обидчику дать, и поддержать компанию в уличной драке. Ибо военное детство и послевоенная юность в не самом благополучном районе – на улице Ошарской – формируют бойцовские качества и укрепляют дух и тело почище любого спортзала.

Улица название свое получила в стародавние времена, когда была окраиной Нижнего, и пошаливали на ней лихие люди – «ошаривали», грабили проезжих купчиков. И спустя двести лет, хоть и оказалась она практически в центре горо-

да, респектабельности себе не прибавила. Так что в победном 45-ом шестнадцатилетний Левушка без гирьки на веревочке – натурального кистеня – и бритвы в кармане из дому не выходил. Многие, многие бывшие приятели его пошли в черных зековских бушлатах по этапу, но удивительное дело: вышли с той улицы Ошарской и вполне приличные люди, сбросили приклатненные кепочки, выплюнули папироски, как будто приклеенные в уголке рта, и поступили в институты, стали со временем ведущими инженерами засекреченных производств и докторами наук.

Учеба в Педе Леву не особо напрягала, и он наслаждался студенческой жизнью по полной программе. Главным номером этой программы в конце 40-х были, конечно же, танцы. Денег на входной билет не всегда хватало, иногда приходилось и по пожарной лестнице в окно лазить, но уж субботний вечер в ДК УВД никак не мог обойтись без своего лучшего танцора. Вальсы, танго, фокстроты, полузапрещенная линда, прообраз позднейшего твиста, даже совсем уж старомодный пасадобль – кто же лучше Левы Блюмина с его ладно сшитой фигурой и врожденной еврейской музыкальностью смотрелся на начищенном паркете? Вот только роста немного недобрал. Хоть и перерос чуть ли не на голову мелковатых родителей, а все же не выше среднего, если не сказать хуже. И это его всерьез огорчало, так что рослых девушек просили не беспокоиться.

Вот Изольда Луговская ему очень даже нравилась: ростом

не слишком высока, симпатичная и отлично умеет держать дистанцию – такая ни за кем бегать не станет. И имя необычное, как льдинка на языке, очень шло к ее голосу и холодноватой внешности, некоторый недостаток красок в которой вполне искупался правильными чертами и сердечной улыбкой.

Учились они на параллельных потоках, и Левушка давно с интересом посматривал в ее сторону на общих лекциях. Изольда тоже ходила на танцы – иногда с подружками, но чаще с разнообразными кавалерами, так что подступиться к ней было не так-то просто. Смущали еще высокие каблуки ее выходных «лодочек». В них она получалась одного роста слевой, а может, и чуть выше.

Однажды, когда Изочка пришла в ДК не с очередным поклонником, а с малоинтересной подружкой, Лев решительно направился к девушкам. Звучало его любимое танго «Утомленное солнце». Танцевать с ней было одно удовольствие, так легко она двигалась, так хорошо чувствовала музыку и партнера. Но проклятые каблуки не давали Леве покоя, и, провожая партнершу на место, он сказал:

– Вы мне очень нравитесь, и мне хотелось бы танцевать только с вами, но, пожалуйста, приходите в других туфлях, на маленьком каблуке!

Про себя загадал: придет на низком каблуке, значит, он ей тоже нравится. Нет... – но к отказам Левушка совершенно не привык.

Бог мой, другие выходные туфли! Да где ж их взять-то? О том, чтобы купить новые, нечего было и мечтать, а заниматься вещи у подружек Изольда терпеть не могла. Парень ей, безусловно, нравился. А кому, сказать по совести, он не нравился? Хоть она и помогала незадачливой Верке писать ему любовные письма, сама была бы совсем не прочь встречаться с лучшим «линдачом» и музыкантом института. Из себя выпрыгивать ради этого она, однако, не собиралась. В следующую субботу пошла все в тех же «лодочках».

У Левы, как нарочно, не хватало денег на входной билет: убогая стипендия кончилась еще на прошлой неделе, у матери просить язык не поворачивался, но посмотреть на Изольдины каблуки было совершенно необходимо. Забрался привычным путем по пожарной лестнице, заглянул в окно. Вот и она, между прочим, опять с подружкой – это хорошо. Так, а туфли? Вот черт, все те же! Значит, не заинтересована... Раздосадованный, спустился на землю, проникать в зал совсем не хотелось. Да... признаться, не ожидал. Что ж, нет так нет, навязываться не привык. «Изольда», потому что «изольда», – тем и утешился.

Левушкино отсутствие было замечено, но расстроило не слишком: подпирать стенку Изольде никогда не приходилось. А молодых людей, которым никакие каблуки не страшны, – пруд пруди. Вот, скажем, Генрих – старшекурсник из Водного. Высок, хорош собой, чрезвычайно обходителен, и форма речника ему здорово идет. Пожалуй, надо разре-

шить ему проводить себя до дома. А Левушка... Что ж, немного грустно, но это пройдет...

Генрих оказался парнем куда как более настойчивым и в себе уверенным, так что институт Изочка заканчивала уже с другой фамилией и глубоко беременной. После рождения первенца работала по распределению в школе, потом аспирантура, защита диссертации – и опять любимый Пединститут. В двадцать восемь – уже доцент, в тридцать – второй сын родился, в тридцать два – декан истфила. Семья, работа, бесконечная круговерть... О Левушке слышала иногда от однокашников, что женился (легкий вздох), сын у него вроде, директором школы в детской колонии стал.

Всем хорош был муж Генрих: о жене и детях заботился, тестя с тещей уважал, карьеру делал по партийно-речной линии. Вот только ревнив до потери сознания и всяческого здравого смысла. Однажды с кулаками на прохожего набросился, который осмелился у Изольды время спросить. Или вот синяк у жены на плече – откуда взялся? Хорошо хоть вспомнила, что о скобку дворовых ворот ударилась. Так водил примерять... Кто знает, может, проявлялся таким вот мучительным для обоих образом знаменитый польский гонор, ибо происходил Генрих из семьи, сосланной на Сахалин еще после подавления Польского восстания 1863 года.

Левушка же пал жертвой собственной ученицы. Он сначала после вуза в обычной школе работал, историю в старших классах преподавал. Понятное дело, школьницы обожа-

ли молодого-интересного историка, глазки строили, кокетничали напропалую, но все в рамках приличий. Но Алла, девушка, кстати, весьма неглупая и очень даже симпатичная, всякие мыслимые пределы переходила. Записки писала, после работы подкарауливала, даже зелья какого-то приворотного в носовой платок подсыпала, пробравшись тайком в учительскую раздевалку. Могла в час ночи в дверь позвонить и совершенно обалдевшему педагогу сказать томно так, длинными ресницами похлопав: «Ах, Левочка Борисыч, я вот на вас посмотрела, теперь могу спать спокойно!»

А однажды Левин младший брат, возвращаясь поздно вечером с какой-то студенческой попойки, заметил стройную фигурку, стоящую на карнизе и заглядывающую к ним в окна. Крикнул что-то, а она как сиганет со второго этажа – и была такова!

И через пару лет добилась-таки своего – приворожила, окрутила ненаглядного «Левочку Борисыча». Вышла за него замуж, родила сына, чтобы лет через десять уехать в Москву на курсы повышения квалификации участковых врачей и не вернуться. Случился у Алочки с московским лихим таксистом роман такой силы, что быстренько забрала она сына и развелась с мужем. Он и ахнуть не успел. Больших страстей была женщина.

Так вот и оказался Лев Борисович в 35 лет снова холостяком, но уже с разбитым сердцем и алиментами. О чем и не преминула насплетничать Изочке все та же Верка Горе-

лова, когда случайно встретились они на дне рождения общей знакомой. Изольда в ответ только грустно усмехнулась. Сама она уже почти два года вдовела. Нервная работа, частые возлияния, без которых не обходилась практически ни одна партийная карьера – даже до «скорой» не успели Генриха донести. Обширный инфаркт. Умер прямо на носилках, которые криво-косо сносили по лестнице равнодушные санитары.

«Значит, и Лева теперь один. Ну, уж ему-то в одиночестве надолго остаться не дадут. Алименты – это не двое сирот». Подумала, но вслух не сказала. И так ясно.

Свежий холостяк тосковал по потерянному буквально в одночасье семейному благополучию недолго. Действительно, вольная жизнь давала массу преимуществ. А уж если мужчина работает в системе образования, то женское внимание ему обеспечено практически круглосуточно! Легкие романы следовали один за одним – но все это как-то не цепляло... Да и не слишком торопился Левушка расставаться со своей вновь обретенной свободой.

На новогодней вечеринке в Доме ученых Леву уговорили, как и в студенческие годы, сесть за рояль. И, как всегда в таких случаях бывало, он тут же оказался практически окружен плотным кольцом поклонниц. Насилу вырвался – все-таки хотелось и самому потанцевать – и почти нос к носу столкнулся с Изольдой.

– Ах, какая встреча!

– Сколько лет, сколько зим!

– А вы ничуть не изменились, даже еще больше похорошели! – за обычными в таких случаях фразами читалось искреннее мужское восхищение. – Разрешите вас пригласить.

Танцевали оба по-прежнему прекрасно.

– А я ведь все так же ношу высокие каблуки.

– Каблуки? Ах, да! Вот ведь глупость была – смешно вспоминать!

Протанцевали и проговорили всю ночь...

В самом начале второй школьной четверти Верка, теперь уже, конечно, Вера Семеновна, медленно брела по улице, погруженная в невеселые мысли. В одной руке – авоська с картошкой, в другой – тяжеленная сумка со стопками тетрадей. Жизнь представлялась совершенно неудавшейся и практически конченной. Страшно подумать – завтра исполняется тридцать шесть! Вот и морщинки первые уже вокруг глаз, и седину подкрашивать приходится. А как же ей не появиться – седине-то? Ни дома, ни на работе никакой радости нет. Муж – алкоголик, сын с двойки на тройку перебивается, уже хамить начал. В школе... да глаза б не глядели на эту школу! А куда деваться? Почти все ее приятельницы – кого ни возьми – так живут. Или от одиночества воют, или постылых мужей терпят. Вот неправ был Лев Толстой: «Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Да у всех одно и то же! Интересно, а те семьи, которые, по мысли классика, «счастливы одинаково», вообще бывают? Их и в русской литерату-

ре-то по пальцам сосчитать можно... Видно, маловато было у «инженеров человеческих душ» перед глазами достойных примеров.

И тут навстречу – в облаке белокурых волос – Изольда. Да как похорошела, посвежела, просто не узнать! Совсем не то, что год назад, когда показалась она Верке безнадежно потухшей и какой-то вылинявшей, что ли. Глаза сияют, на щеках румянец прямо-таки девичий, походка летящая (как только она не устает на таких каблуках высоченных?) И не скажешь ни за что, что они с Веркой ровесницы.

– Как хороша – прямо хоть замуж выдавай! – пошутила в ответ на приветствие.

– А я и вышла!

– Да что ты? За кого же, если не секрет?

– Да никакого секрета: за Леву Блюмина.

Ничего не смогла сказать в ответ учитель словесности Вера Семеновна. Повернулась и пошла в другую сторону. Больше они никогда не виделись.

Счастливчик

23 февраля – день рождения деда Бориса

День защитника Отечества навсегда имеет для меня значение глубоко личное, потому что это день рождения моего деда, Бориса Наумовича Блюмина. Впрочем, родился он задолго до того, как этот день стал праздничным, страшно сказать – аж в позапрошлом веке! И родился притом явно в рубашке.

Когда на свет появилась я, ему было уже 75, и был он крошечным сухоньким старичком со слуховым аппаратом, но в абсолютно здоровом уме и твердой памяти. Кстати, в этот состоянии он и пребывал до самой своей кончины в почтенном 90-летнем возрасте, о чем свидетельствует то, что, собравшись уже помирать, в самый день своей смерти, читал нам наизусть стихи любимого поэта своей гимназической юности Семена Надсона.

А помирать он именно что «собрался». Дело в том, что дедушка мой, переживший все бури и войны тяжелейшего 20 века, никогда и ничем не болел, ну вот совсем. Если не считать перелома ноги, из-за которого его отпустили-таки на пенсию в 80 лет с должности главбуха небольшого завода. Нога срослась, но последние годы ему пришлось хо-

дуть с палочкой, что, впрочем, не мешало деду Борису каждый день летом ходить пешком на волжский пляж, спускаясь и поднимаясь по Чкаловской лестнице. И сидеть там в семейных труселях по колено, прожариваясь до состояния курицы-гриль. Поэтому, когда в 90 лет у него впервые в жизни случился приступ панкреатита (полагаю, малость переел на собственном юбилее) и он попал в больницу, это произвело на деда сильнейшее впечатление, и он решил, что старость не радость и вообще – пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.